

часть стиля жизни Щербины. Трудно себе представить Щербину без его любимца – кота Лешика. С годами знакомства с ним даже начинает казаться, что он и сам чем-то похож на кота: такой же временами покладистый, мягкий и «пушистый», либо неожиданно резкий, непредсказуемый и эмоционально взрывной.

2.3. Крупным планом

Знакомьтесь, Щербина!

Какой он разный, этот Щербина!

ОТЗЫВЫ И ПОЖЕЛАНИЯ КОЛЛЕГ

ТОНКИЙ АНАЛИТИК, БЕСПОКОЙНЫЙ РЕАЛИСТ

Канва профессиональной деятельности Вячеслава Вячеславовича Щербины вполне диалектична: социолого-управленческая *практика* (социологические службы на предприятиях, 1975–1988); анализ *теорий* организации (профессор социологического факультета МГУ и других университетов, 1988–1998); разработка теоретико-методологических проблем *управления* человеческими ресурсами (зав. кафедрой факультета менеджмента ГУ-ВШЭ, профессор факультета социологии РГГУ и другая преподавательская работа, – новейшее время его и нашей жизни). И это только один, видимый диалектический цикл.

Я недостаточно знаком с первым его этапом. Поэтому обращаюсь сразу ко второму и только к словарному его проявлению. Все мы высоко ценим словари, особенно научные. И знаем, что они создаются солидными командами специалистов. Только что вышел «Теоретико-прикладной толковый словарь. Социология труда» (отв. ред. В.А.Ядов. М.: Наука, 2006) – в его подготовке участвовали 57 специалистов.

В.В. Щербина, как еще раньше В. Даль, убедил, что на словарном поприще и один в поле воин. Более того, он *один* подготовил *два* научных словаря: «Социология организаций» (1996) и «Социальные теории организаций» (2000). Впрочем, я уже слышу его поправочку: «Конечно, это авторские словари. Но не совсем я один, некоторые другие тоже написали отдельные статьи для моих словарей». Верно, однако эта поправка не отменяет сказанного.

Поскольку это автор-словаретворец, не удивительно, что его словари в определенной мере автобиографичны. По их содержанию можно реконструировать профессиональную, творческую биографию самого

автора: эволюцию его взглядов, расширение круга понятий, углубление в их смыслы. При этом ему удается сохранять достаточную беспристрастность при отборе терминов и характеристике их содержания. Это достигается, на первый взгляд, простым, но на деле весьма трудоемким способом: по каждому ключевому понятию четко фиксируются различные подходы, существующие в науке и практике. Это побуждает читателя самостоятельно сопоставлять и оценивать их, т.е. думать и делать свой выбор. Согласитесь, желанное качество словарей.

Больше всего я ценю в словарях В.В. Щербины изящную тонкость дистинкций смыслов, вкладываемых в одно и то же понятие представителями различных школ, направлений социальной науки. В словаре «Социальные теории организации» первое же слово – «Авторитет в организации» – пропускается через такую сеть дистинкций: «В ранних концепциях теории организации...»; «В социологии организаций...»; «У большинства представителей классической школы...»; «В концепции М.П. Фоллет...»; «В школе человеческих отношений...»; «В школе социальных систем...». И так систематически через весь словарь.

Это действительно тонкий аналитик социальных теорий организации.

А теперь обратимся к третьему, менеджерiallyму этапу диалектического цикла профессиональной деятельности В.В. Щербины. Здесь он вновь, как и на первом этапе, непосредственно движется по полю практически значимых проблем, но уже обогащенный тонким анализом теорий. Согласитесь, хорошо вооружен и очень опасен для этих проблем и их носителей. Добавьте природную склонность этого «простого человека» оставлять за собой последнее слово в дискурсе не только с оппонентами, но и с единомышленниками. А главное – обостренное чувство реальности, двойное и тройное беспокойство: как бы не удалиться от объекта, на который нацелен менеджмент, не подменить реальный объект мнимым, успешные способы целенаправленного воздействия – их фантомами.

Вот пример беспокойств реалиста. Подытоживая анализ проблемы менеджмента в сфере управления человеческими ресурсами (УЧР), В.В. Щербина аргументированно показал недостаточность существующих представлений: и о содержании деятельности в данной сфере, и о субъекте этой деятельности, и о подготовке такого субъекта. Имеющиеся представления различны, даже противоположны, но они не дают и не могут дать необходимого успеха ни каждый в отдельности, ни в их совокупности. Но эта обеспокоенность не безысходна. Автор предложил свое, существенно отличающееся от популярного понимание особенностей позиции менеджера в системе управления, специфики его предметной деятельности в сфере УЧР («СОЦИС», 2003, № 7). Можно соглашаться

или не соглашаться с предложенным пониманием, но нельзя отрицать, что оно продиктовано реалистичным беспокойством за состояние этой сферы управления в России и опирается на точный анализ ее состояния.

Остается пожелать, чтобы молодые российские обществоведы не стеснялись воспринимать от старших коллег примеры беспокойного реализма и точного анализа изучаемых объектов. А за примерами далеко ходить не надо.

Н.И. Лапин

ОТ ЗАВОДСКОГО СОЦИОЛОГА – К УЧЕНОМУ ВСЕРОССИЙСКОГО МАСШТАБА (К 60-ЛЕТИЮ В.В. ЩЕРБИНЫ)

В истории отечественной социологии есть одна славная, но, к сожалению, забытая страница – возникновение, развитие и функционирование заводской социологии. В арсенале ее достижений – становление социологии труда, индустриальной социологии, социологии села и некоторых других научных направлений. На этой странице навечно записаны имена тех, кто многое сделал для того, чтобы социология заговорила не только голосом науки, но и потребностями практики. Это Андрей Зайцев (КРАМЗ), Владимир Герчиков (Пермский телефонный завод), Борис Максимов (Кировский завод), Новиков (ЗИЛ), Валентина Ермакова (АЗЛК), Михаил Гуревич (Уралмаш), Андрей Нецадин (Минстроймаш) и много других самоотверженных исследователей, искренне, от всей души служивших делу превращения производственной среды в творческую живую гуманную среду. И среди них видное место занимала искрящаяся своим творчеством, подвижничеством и оригинальностью деятельность Вячеслава Щербины, занятого этой благородной работой среди одного из сложнейших производств – среди работников (шоферов) и инженерно-технического состава Главмосавтостроя.

По нашему глубокому убеждению, первую страницу этого нового движения в отечественной социологии начали заполнять ленинградские ученые В. Полозов, В. Ельмеев, Б. Рященко совместно с производственным объединением «Светлана», на котором в начале 1960-х гг. был составлен первый в стране план социального развития коллектива. По сути,

Лапин Николай Иванович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом Института философии РАН (Москва).

этим планом была открыта дорога поиска и использования социальных резервов, которые крылись в работниках производства и которые можно с наибольшей полнотой разглядеть только на низовом уровне производственной организации. Но была еще одна особенность этого почина — эта потребность была не директивой, спущенной сверху, а мощной инициативой снизу, постепенно переросшей в намерение своими силами решить многие повседневные проблемы и заботы социального бытия. Ради справедливости следует сказать, что планы социального развития производственных коллективов нередко были предметом пристального внимания немногих руководителей, которые не по форме, а по существу занимались социальными ресурсами. Но в целом это движение, начатое снизу, привело к тому, что в производственные организации мощно вливались творческие силы всех групп работников, которые обеспечивали эффективное (поскольку это было возможно) решение многих актуальных вопросов. И вот в ряду организаторов этих процессов по перестройке производственных организаций, по приданию им социального лица и пробуждению созидательных сил стоял Вячеслав Щербина. И не просто был одним из зачинателей этого нового поворота в социальной мысли и социальной практике, а был реальным творцом и организатором серьезных изменений в организации производства, в эффективном решении социальных проблем производства.

Я помню поистине неистовые взволнованные рассуждения и выступления Вячеслава Вячеславовича, которые неоднократно звучали на регулярных встречах людей, занимающихся социально-экономической проблематикой. И тогда, в силу своего характера и особого восприятия окружающего мира, заводской социолог Щербина откровенно и открыто делился своими наблюдениями и сомнениями, предлагал способы решения социальных проблем на предприятии, искренне возмущался всем тем, что стояло на пути рационального решения этих проблем.

Как и другие «заводчане», Щербина со временем пришел в науку. За плечами был богатейший многолетний (подчеркиваю, многолетний) опыт, который не сводился к анализу текущих проблем, — это был опыт, который для социолога Щербина был основой для более глубоких и широких обобщений, касающихся социальных проблем не конкретного предприятия, а всей страны, по крайней мере, ее промышленности. Мне кажется, что именно этот опыт привел его к той области знаний, где тесно переплетаются перспективные теоретические идеи и острые проблемы практики — социологии организаций. Тем более, что эта отрасль социологического знания никогда не ограничивалась собственно социологическими разработками — требовалось привлечение и использование до-

стижений и выводов экономики, теории организации и управления, психологии и эргономики. Может, это было основой того, что в отличие от своих коллег он никогда не стремился разделить работу академических (тех, кто работал в университетах и научно-исследовательских институтах) и заводских социологов (тех, кто занимался непосредственно социологической работой на производстве). В соединении науки и практики он всегда видит опору для плодотворного развития идей, которые надо проверять и сопоставлять с практикой.

В своих убеждениях В. Щербина последователен и непреклонен, и непреклонен не с позиций упертости, а с позиций исследователя, который впитал передовую мысль в области социологии организаций своих предшественников, развил свои идеи до законченного научно-практического результата и готов отстаивать свои идеи и выводы.

Докторскую диссертацию, которую он защищал в возглавляемом мной совете, встретили доброжелательно, но в то же время небесспорно и в ряде случаев настороженно — уж очень необычны и весьма полемичны были некоторые выводы и предложения. Но к концу этой научной дискуссии автор диссертации сумел убедить даже сомневающихся в перспективности и обоснованности своих выводов и предложений. Эти идеи он затем последовательно в течение всей своей жизни приумножал, обогащал, что и сделало его ведущим ученым, признанным лидером своей отрасли знаний — социологии организаций. Об этом говорят его статьи, монографии, сборники, словари, которые и поныне являются опорой для тех, кто заинтересован в совершенствовании управления, в решении социально-экономических проблем производства.

Хотелось сказать о некоторых личных особенностях Вячеслава Вячеславовича. Он не любит суеты, суесловия. Он последователен в своих выводах и оценках. Он искренен даже тогда, когда он, на мой взгляд, не всегда прав. Его никто не может упрекнуть в лицемерии, приспособленчестве. Он самодостаточный человек, имеющий и не меняющий свои взгляды и убеждения. Поэтому не только друзья, но и его противники всегда с большим уважением относятся к этой неординарной творческой личности.

Я рад нашему давнему знакомству и дружбе и надеюсь, что они продолятся еще долго.

Ж.Т. Тощенко

ВЯЧЕСЛАВУ ВЯЧЕСЛАВОВИЧУ МОИ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Казалось бы, естественным при переходе к рыночным отношениям явится бум социологических публикаций в этой области. Ан нет. Лишь немногие социологи, в отличие от экономистов, сохранили серьезный научный и педагогический интерес к проблемам человеческого, по сути основного, ресурса производства. И одна из наиболее заметных фигур — это Вячеслав Щербина.

Вячеслав постоянно совмещает исследовательскую и преподавательскую деятельность, причем занятия ведет столь увлеченно, что студенты и особенно студентки пребывают в восторге. Я далеко не случайно обратился к нему с просьбой написать два раздела в книгу «Социология в России» о социологии организаций и вместе с А. Кравченко о социологии труда. Лучшего эксперта в проблематике и практических исследованиях по социологии организаций с учетом именно нашей специфики нет.

Профессор Щербина начал активную работу в этой проблематике именно в первые годы перестройки, имея уже солидный доперестроечный опыт. Его статьи, монографии и учебные пособия написаны предельно понятно, живым языком, с множеством живых примеров и потому пользуются такой популярностью и у студентов, и у практиков.

Вячеслав Вячеславович отличается подлинно русской интеллигентностью — его сердце болит за состояние дел в отечестве и, вероятно, является ведущим стимулом в работе. В свои зрелые, но молодые годы я уверен, что его деятельность принесет еще немало нового и ценного для России. Это великолепный ученый, педагог и товарищ, дружбой с которым я горжусь

В.А. Ядов

НЕИСТОВЫЙ И НЕУГОМОННЫЙ

Впервые я его увидел в 1985 году. Он метался по коридору факультета философии МГУ и скороговоркой и с напором перекидывался с моей женой Людмилой отрывистыми фразами о том, что «эх, шпаргалку бы сюда!» ... Они сдавали кандидатские экзамены. Я спросил знакомого преподавателя: «Что это за неистовый человек?» — «Так это же Слава Щербина, — ответил он. — Разве ты его не знаешь? Его все знают».

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, декан факультета социологии ГУГН при Институте социологии РАН и руководитель исследовательского Центра института.

Щербина был худой, с резкими движениями, внимательным взглядом и, одновременно, ушедший в себя и включающийся в общение будто урывками, фрагментарно. Позже я узнал, что он руководит крупной социологической службой в какой-то транспортной московской конторе. Что он один из немногих социологов в нашей стране, который умудрился добиться впечатляющих практических результатов в организации. Что к нему ездят за опытом социологи чуть ли не из всех городов страны и так далее. Он уже тогда, в середине восьмидесятых, был легендарной личностью.

Потом наша легендарная личность осознала, что есть мировая наука, мировая социология, теория организации, управления. И со всем его неугомонным темпераментом он погрузился в этот океан информации. В 90-е годы наш Щербина стал самым эрудированным и глубоким специалистом в области теории организации и управления. Когда он писал докторскую диссертацию на тему о диагностике, он собрал об этом виде деятельности всю информацию, которая когда-либо появлялась в мировой научной литературе. Естественно, у него была и своя концепция этого вида деятельности.

Я совершенно не согласен с его авторским взглядом на диагностику, с его концепцией диагностики. Но он меня научил терпимому отношению к идеям, с которыми ты не согласен. Он мне говорил: «Я считаю, что твоя инновационная методология антиэкологична. Но я признаю твое право на твои собственные разработки, твое право отстаивать собственную позицию...»

Одно время мы работали вместе на кафедре социальной инженерии в МГСУ. Участвовали в методологических семинарах, которые проводил заведующий ею Юрий Резник. Когда я высказывал какие-то свои суждения, Щербина вскакивал со своего места, подбегал ко мне, приближал к моему лицу свое негодующее лицо, отчаянно жестикулировал руками, призывая на помощь все земные и небесные силы, и кричал мне, что я своими ориентациями на развитие разрушаю экологичность социума, что своими демократическими взглядами я гублю Россию, и что Человечество не простит мне этого. Каждая наша встреча превращалась в яростные дебаты по всем затрагиваемым нами вопросам.

...И тем не менее. Несмотря на вулканическую натуру, он всегда был чутким и деликатным в дружбе, в отношениях со всеми людьми. Уже после 2000 года, когда я впервые приехал к нему домой в гости, я узнал, что в молодости он рисовал великолепные абстрактные миниатюры. В его небольшой квартире стены были увешаны авторскими полотнами ярких, настоящих художников. А в его фонотеке хранятся десятки дисков с джазовыми импровизациями крупнейших музыкантов мира.

Озеро. Глинистый берег. Слава в какой-то немыслимой рыбацкой одежде стоит, полусогнувшись, с удочкой. Вот он вытащил с радостной улыбкой какого-то микроскопического малька. Вот затрепетала серебром рыбка в ладони. А потом вдруг из воды вслед за леской его удочки выскочила здоровущая толстая рыба и шлепнулась в траву. Когда мы возвращались с рыбалки, он гордо поглядывал по сторонам и повторял, профессионально встряхивая пакет с уловом: «Ну ты же видел, какая крупная рыба шла. Это еще что, а вот в прошлом году...» — и дальше чередой следовали настоящие, серьезные рыбацкие байки, в которых, конечно же, Слава вытаскивал из воды «во-от такую рыбу».

В 2000 году Щербина пригласил меня на кафедру управления человеческими ресурсами Высшей школы экономики, которой он тогда заведовал. Я проработал у него четыре года, преподавал курс развития персонала. Ни разу за эти четыре года я не почувствовал в нем никакой начальственной дури. В нем этого просто никогда не было. Он мог кричать и ругаться по каким-то содержательным вопросам; он просто всегда говорил то, что думал. Он никогда не кривил душой. С таким руководителем работать было одно удовольствие. Вся кафедра его обожала. Особенно женская ее половина. А потом его «съел» человек, которого он по доброте своей душевной пригласил работать на кафедру. У него просто отняли эту кафедру, и он уволился. Без него мне там больше нечего было делать, и я уволился вслед за ним. Я, конечно же, пытался его защитить, остановить, но я опоздал.

Но где бы Щербина ни работал, чем бы ни занимался, он всегда был и будет эталоном порядочности, профессионализма, он всегда будет нашим неистовым и неугомонным, нашим замечательным и любимым.

В.С. Дудченко

ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК ТАЛАНТЛИВ ВО ВСЕМ

Имя Вячеслава Щербины хорошо известно в социально-научных кругах. Это — один из крупнейших, хотя и немногочисленных настоящих социологов организации в России. Бесспорно также, что перед нами ученый мирового класса. Чтобы понять справедливость таких утверждений, достаточно совершить три типа действий.

Первое. Нужно почитать его работы. Сразу бросается в глаза несколько отличительных признаков. Прежде всего, теоретическая глубина. О чем

Дудченко Вячеслав Сергеевич — доктор социологических наук, профессор, президент Российской гильдии консультантов (Москва).

бы ни писал автор, его суждения всегда обоснованы, верифицированы и фальсифицированы, а логика рассуждений — безупречна. Далее, предлагаемые им технологии вполне реалистичны, хотя порой и отдают авторитарностью. Наконец, в его текстах нет столь характерной для отечественных социально-научных работ «гуманятины», т.е. расплывчатости, многословия, понятийной неряшливости. Щербинин стиль отличается строгостью и лаконизмом, и что особенно поражает: все ключевые понятия четко определены. Все это радует просвещенного читателя.

Второе. Нужно поговорить с его студентами. Все они без исключения выразят свое отношение к нему в характерном для молодежи лексиконе: классный преподаватель! И не удивительно. Лекции, в которых переход от теоретических построений к практическим рекомендациям и от частных реальных событий к их теоретической интерпретации совершается свободно, а логическая схема перехода прозрачна, конечно, интересны и увлекательны. Требуется изложить историю социологии организации — пожалуйста! Нужно продемонстрировать эффективность использования какой-нибудь социальной технологии — легко!

Третье. Можно вообразить реакцию тех, кого он консультирует. Те, кто следует его рекомендациям, никогда не жалеют об этом. Точное выполнение всех предлагаемых процедур приводит к успеху. Решаются организационные конфликты; удачно размещается персонал; гарантировано организационное развитие. Важно только не отступать от намеченных стратегических программ и не заниматься самодеятельностью. И тогда все будет хорошо. Те же, кто с ходу не понимает или не принимает всегда точных и реалистичных Щербининых рекомендаций, со временем спохватываются, но нередко бывает уже поздно. И они потом жалеют об утраченных возможностях.

Но Вячеслав не только блестящий ученый. Он прекрасный художник-график. Как человеку рубежа тысячелетий ему, разумеется, не удалось избежать ни культурной парадигмы модерна с его эстетическим принципом полистилистики, ни веяний постмодерна с его идеей деконструкции-реконструкции, с его иронией и долей здорового цинизма; что касается полистилистики, то в работах четко прослеживаются аллюзии на П. Пикассо и Ф. Леже; принципы формообразования, свойственные русскому авангарду; отблески оп-арта. Все это силой личности, талантом и мастерством Вячеслава сплавлено в собственную неповторимую творческую манеру, где ирония сочетается с глубиной мироощущения, воля к упорядочению с признанием онтологичности хаоса, стеничность с пессимизмом.

Для всех его работ, даже набросков, характерна четкая внешняя форма. Контуры рисунка, очерченные твердой рукой, отграничивают персо-

нальное художественное пространство автора, в пределах которого он вступает в игру со ставшим ему подконтрольным хаосом возможностей, превращая их в реальность внутренней формы эстетического образа.

Насколько завершенной и самодостаточной является внешняя форма такого образа, настолько же подвижна и многомерна его внутренняя форма. Этот эффект достигается цветовыми и композиционными средствами. Сочетание чистых цветов, которое можно встретить в работах К. Малевича, Ф. Леже, создает впечатление взаимных наложений и пересечений множества дискретных пространств. Композиции, навеянные геометрическими построениями оп-арта, придают внутренней форме художественного образа сложный и динамичный микропорядок. Этот контраст кажущейся простоты внешнего контура и намеренно подчеркнутой сложности и динамизма заключенного в его пределах пространства придает работам смысл заигрывания с хаосом.

Хороший, тренированный игрок легко обуздывает его, а затем выпускает на волю; налагает на него четкую форму, а затем позволяет себе пойти у него на поводу. Это сильное, стеничное искусство, несущее в себе романтические, мятежные и классицистские, равновесные начала; волевой напор и тонкую восприимчивость к изменчивой череде переживаний; реалистичность жизненных ситуаций и фантастичность их образного воплощения. Личностное начало В.В. Щербины сублимируется, трансформируясь в ироничные, порой гротескные, цинические интерпретации успехов и неудач автора в его попытках упорядочить окружение по своему произволу.

Глядя на работы Вячеслава, думаешь: как же счастлив (в высшем, а не бытовом смысле) человек, который с легкостью переходит из реального мира в виртуальный, от понятийного к образному отображению отношений с миром и может выразить это в языках научных категорий, художественных образов, а также в обыденном лексиконе с нередким включением крепких выражений.

Юбилейный портрет этого замечательного человека был бы не полон, если хотя бы несколько слов не сказать о его личностных качествах, проявляющихся в отношениях с людьми. Это хороший друг. Радуясь удачам близких ему людей, он умеет приумножить их ощущение собственной успешности и уверенности в себе. Затруднения других он воспринимает конструктивно. Не жалость и пассивное сочувствие, но активное стремление помочь движет им в подобных случаях. В обычных ситуациях — это душа компании, остроумный собеседник, радушный хозяин и всегда приятный гость. На этого человека можно положиться в любой ситуации, поскольку его порядочность и принципиальная жизненная

позиция — гарантии надежности в отношениях с ним и причины полного доверия к нему. Однако и здесь дело не обходится без его пресловутой авторитарности. Правда, в дружеских отношениях она проявляется по отношению не к партнеру, а к третьей стороне, чаще всего представленной неким неопределенным «они». Вячеслав — человек добрый и воспитанный и поэтому не может позволить себе насильственно обратить в свою веру другого. В худшем случае он выскажется в выражениях, которые в эвфемистической форме могут звучать: «Борис, ты не прав!»

Но есть еще одно пространство жизненного мира В.В. Щербины — отношения с котами. В трудную минуту, когда из жизни ушел мой кот Парсонс, и было непонятно, могу ли и должна ли я найти ему замену, Вячеслав лапидарно заявил: «Человек без кота жить не может». Это разрешило все мои сомнения. В его доме покинувший сей мир кот Бжезинский до сих пор остается предметом семейных преданий, рыцарем без страха и упрека. А ныне здравствующий рыжий Лешек — субъект с ярко выраженным чувством собственного достоинства и с гордо поднятым хвостом — благоденствует и процветает. Только он один имеет право не считаться с интересами самого Вячеслава Вячеславовича и утверждать собственные принципы и парадигмы образа жизни. Только он своими прихотями может победить волевые и рациональные начала своего хозяина.

Эти штрихи к портрету юбиляра, конечно, не могут передать и сотой доли его глубокой, многогранной натуры. И все же я попыталась выразить словами то отношение к нему, которое, как я знаю, разделяют его друзья. Хочется от всей души поздравить Вячеслава Вячеславовича с юбилеем и пожелать ему долгого жизненного пути в избранном им прекрасном, хотя и весьма трудном направлении.

Действительно, талантливый человек талантлив во всем!

Э.А. Орлова

В.В. ЩЕРБИНА: ПОЗДРАВЛЕНИЯ В ЖАНРЕ ПСИХОГРАФИИ

Вячеслав Вячеславович Щербина человек умный, обаятельный, энергичный, в делах четкий и за пределами обязательный (его пунктуальность уже давно стала категорией нарицательной, но, по референциям самого В.В., это качество не врожденное, а приобретенное ценой выработки по-

Орлова Эльна Александровна — доктор философских наук, профессор, директор Института социальной и культурной антропологии Государственной академии Славянской культуры (Москва).

нимания того, что точность соблюдения времени – фактор формирования организации, в ней – усиление возможности человека утверждаться в социальности, «социокультурном окружении»), справляет шестидесятилетний юбилей.

Любой юбилей – рубеж подведения итогов, но эта годовщина для человека современной культуры выступает еще и как дополнительная возможность отнестись к своей жизни как явлению целостному, феномену единого, нераспыленного по биографическим пунктам и сохранившимся в памяти событиям.

Щербина – авторитетный ученый, виртуозный исследователь, любимый педагог, по складу характера является шестидесятником, хотя по возрастным рамкам он был моложе этого поколенческого слоя. Шестидесятник – человек, осваивавший мир и свои возможности в этом мире тогда, когда из относительной неподвижности и стабильности мир вдруг превратился в пластичное трансформирование всего и вся, когда люди, воспитанные на высших образцах мудрости мировой культуры, с любопытством и затаенной тревогой наблюдали происходящее со спрятанным опасением «и когда же это завершится?». Став Вячеславом Вячеславовичем Щербиной, он сохранил присущую шестидесятникам влюбленность в жизнь и искренний интерес к людям, который не институционализировался за всю историю его профессионального восхождения ни в формальное, позиционное видение человека рядом, ни в отвлеченное от здесь живущих абстрагирование в модальные личности и модальные (здесь видимые) качества и характеристики людей.

Эта его особенность была усилена еще и высоким интуитивным различением типов организаций и чувством связи между конкретной социальной организацией и конкретным человеком в организационной среде, что служило лишним подтверждением профессионального кредо В.В. и источником удивления в том, как он умеет «читать» организации и людей в них.

Пожалуй, это и определило то, что на протяжении всего периода работы Щербина ухитряется быть не «популярным», а уважаемым, жестким в принципиальных вопросах и либеральным в общении с людьми.

В жизни человека, достигающего того уровня профессионализма, который характеризует В.В., обязательно определяются личные приемы, подтверждающие и усиливающие отношение к действительности. В некотором смысле, в юности человек завоевывает в ходе статусного развития, в профессиональном становлении – накапливает, а в зрелости – подтверждает свои средства поддержания существования и воспроиз-

водства той действительности, которая выделяется им по мере его творческого роста, жизненного осуществления. Щербина, вошедший в поле отечественной социальной науки достаточно замысловатым маршрутом, получив образование историка, состоявшись как социолог-практик еще до ренессанса социологии рубежа 80–90-х, избрал для себя в качестве такого средства реальность, которая может быть обозначена как нормативный план организации. Похоже, что он любит и ценит правила именно потому, что в совершенстве понимает их природу, разводя слепое благоговение к ним глупое и пустое их отрицание. Его занимают процессы формирования тех правил, которые действительно и действенно определяют отношения между людьми в упорядоченных средах. Получив знание о таких правилах, Щербина никогда не допускает ущемления подобных собственных правил у другого, но весьма болезненно реагирует на малейшие посягательства на применение его правил и передачу их ближнему своему. Собственно, человек, достигший такого юбилея, обладает таким правом априори, «по совокупности прожитого».

Иногда, для людей малознакомых, Щербина представляется как человек резкий, экспансивный, допускающий грубости и жестко отсекающий глупость, хотя до удивления спокойно и даже дружелюбно относящийся к чужой точке зрения. Представители женского пола вряд ли стали бы даже по первым впечатлениям выделять эти черты, будучи неизменно очаровываемыми щербиновским тактом и джентельменским обаянием. А что касается уважения чужой точки зрения, ...это уже относится к профессиональной этике ученого, а из различных характеристик в отношении Щербины профессионализм априорно настолько не подвергается сомнению, что даже «не подлежит обсуждению». Была бы точка зрения.

Рассуждений о том, как соотносились в едином целостном феномене – 60 лет жизни Вячеслава Вячеславовича Щербины – человеческое начало и организационные пределы, хватит на монографию, и они вряд ли могут уместиться в краткой «чествовательной» статье-заметке.

К этому феномену принадлежат, да еще настолько прочно, что тянут не просто на существенные, а на сущностные характеристики, такие его качества, как цепкость ума и юмор. А еще – глубокая влюбленность в культуру. Это не ограничивается тем, что он, помимо своего научного кредо, на «экспертном уровне» знает авторское кино второй половины XX века и литературу Запада. С юности увлекаясь рисунком, он и в этой сфере имеет ряд профессиональных достижений, даже персональную выставку.

А что касается пожеланий, которые неизбежны, тут в соответствии с правилами жанра... Это – оставаться Щербиной (хотя весь разносторонний и разноуровневый опыт последних шести десятилетий подтверждает то, что не быть им он просто не может).

А.Г. Климов

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О В.В. ЩЕРБИНЕ (К ЮБИЛЕЮ)

Мы знакомы с Вячеславом Вячеславовичем уже более пятнадцати лет. Хотя наша совместная работа исчерпывается сотрудничеством в редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество», наши пути на протяжении всего этого времени регулярно пересекаются.

Я до сих пор помню, как где-то году в 90-м, будучи еще студентом социологического факультета МГУ, делал на семинарском занятии по социологии труда доклад. Вячеслав Вячеславович, который вел в нашей группе занятия, вряд ли это помнит; когда много лет занимаешься преподаванием, лица студентов стираются, события сливаются в единый поток. Зато это занятие помню я. Доклад был посвящен довольно болезненной для того времени теме бюрократии. Тогда было дурным тоном говорить об этом явлении в позитивном или даже нейтральном ключе; мода времени требовала говорить о бюрократии как о чем-то таком, с чем нужно бороться и что подлежит искоренению. Я же старался, готовясь к занятию, разобраться лично для себя, что это такое. Те, кто не знает общественной атмосферы конца 80-х – начала 90-х или плохо ее помнит, возможно, меня не поймут.

Я понятия не имел, что думает о бюрократии мой преподаватель, и, решив нейтрально огласить открывшуюся мне «правду», шедшую вразрез с тогдашней модой, рассчитывал на худшее (до этого я чуть было не схлопотал «тройку» на экзамене по истмату за «наглые» вопросы лектору и, в общем, дальнейшей подобной «наглостью» мог всерьез испортить свое будущее). Но худшего не случилось. Я не только встретил одобрительное отношение к той работе, которую проделал, но и получил квалифицированный комментарий к своему выступлению. Это меня поразило: наверное, поэтому я до сих пор это и помню. Я привожу это глубоко личное воспоминание потому, что для меня оно связано с важным уроком, и этот урок неотделим для меня от личности профессора Щербины. Состоит он в том, что настоящий социолог никогда и ни при каких об-

Климов Алексей Григорьевич – кандидат социологических наук, доцент, профессор Государственной академии Славянской культуры (Москва).

стоятельствах не должен отказываться от привилегии честно и прямо говорить об обществе то, что он нем знает, как бы ни расходилось это с окружающими мнениями, пусть даже оставаясь в полном одиночестве.

Вячеслав Вячеславович, сколько я знаю, от этой привилегии (и в то же время тяжелой ноши) никогда не отказывался и служит для меня (и, наверное, для многих) образцом того, каким должен быть в нашем обществе независимый социолог, насколько вообще возможна независимость в нашей профессии. В наш век моральной гибкости и податливости чрезвычайно трудно сохранять жизненные принципы, слишком много соблазнов, устоять почти невозможно.

Пример профессора Щербины убеждает, что сохранять принципы возможно при любых обстоятельствах, что социолог – вовсе не флюгер, обреченный хаотично вращаться в ответ на малейшие дуновения времени, и этот пример вдохновляет. Те, кто близко знает профессора Щербину, расскажут, что это не только блестящий профессионал, авторитетный ученый, небезразличный к происходящему вокруг граждан и зажигающий оратор, но еще и человек обширных интересов и широкой эрудиции и замечательный художник. Когда встречаешься с гармоничным и глубоким человеком, эти встречи, пусть даже короткие, заряжают энергией, которой порой не хватает. География наших встреч с Вячеславом Вячеславовичем широка: социологический факультет МГУ, Фонд культуры, Институт социальной инженерии, ГУ ВШЭ, Институт философии, конференции и семинары, организуемые журналом «Личность. Культура. Общество» и Сообществом профессиональных социологов. Эти встречи всегда приятны и интересны.

Крепкого Вам здоровья, Вячеслав Вячеславович!

В.Г. Николаев

О В.В. ЩЕРБИНЕ – УЧИТЕЛЕ, КОЛЛЕГЕ, РУКОВОДИТЕЛЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Вячеслав Вячеславович – человек уникальный без всякого преувеличения.

С учениками... Впервые Вячеслава Вячеславовича я увидела на консультации, накануне моего вступительного экзамена в аспирантуру. Поразило то, что поражает многих при знакомстве с ним: его живость, иро-

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета ГУ Высшей школы экономики (Москва).

ничность и в то же время участливость. С определенной жесткостью я столкнулась гораздо позже. Вячеслав Вячеславович бывает жестким и резким, если замечает, что аспирант или студент откровенно халтурит.

Мне повезло: Вячеслав Вячеславович согласился стать моим научным руководителем. Несмотря на то, что первые два года работы я побаивалась его, пришло понимание почти уникальности этого человека в качестве научного руководителя. У него есть замечательная способность тщательно работать с аспирантами и при этом не навязывать им своей позиции.

Работая с учениками, он просто заставляет использовать каждое слово осмысленно. В конце концов, принимаешь для себя запрет на использование наукообразного языка, на пустое жонглирование терминами, к сожалению, так часто встречающиеся в диссертациях.

Если он выпускает своего подопечного на защиту, то это своеобразный знак качества, показатель действительной готовности. После этого уже не страшна и сама защита. Кстати, при необходимости он всегда защищает своих учеников.

С коллегами... Изначальное уважение к любому, кто не просто произносит умные слова, но думает о том, что говорит, и говорит, что делает. Поэтому вокруг него всегда интересные люди, хорошие специалисты.

Бывает, что он слишком горячо спорит с коллегами, но причина, как правило, — интересы дела, а не излишняя эмоциональность.

И совершенно редкое качество, которое проявляется в отношении и учеников, и коллег, и оппонентов. Вячеслав Вячеславович всегда, даже если текст или выступление противоположно его позиции, пытается «почувствовать» авторскую логику, выявить его сильную сторону, бывает, скрытую даже для самого автора.

С подчиненными... В течение трех лет я работала на кафедре, созданной и возглавляемой В.В. Щербиной. Он принципиально не способен заниматься делом, в котором не видит смысла. Более того, видимо, основной смысл жизни для него — наполнение смыслом всего, чем бы он ни занимался.

Этот человек всегда берет ответственность за людей, которых он собирает вместе для одного общего дела.

Время работы на его кафедре я ощущала как время причастности к чему-то очень важному, существенному, новому, что-то вроде новой страницы в высшем образовании.

Со слушателями... Он прекрасный оратор и лектор. Это требует от него огромных эмоциональных сил. По отношению к его лекциям иногда употребляют слово «шоу». К сожалению, за внешней, яркой стороной его выступлений не все способны воспринять очень глубокое (и всегда!) содержание.

Интересно наблюдать за его поведением на «круглых столах», конференциях, дискуссиях... Очень внимательный к чужим выступлениям (то, что называется «включенный»), в своих выступлениях он всегда реагирует на сказанное перед ним. Его участие — гарантия того, что дискуссия будет дискуссией, а не чередой не связанных друг с другом докладов.

С друзьями... Вячеслав Вячеславович ценит искренние отношения. Может быть, не всегда чуток к чужому душевному состоянию (что бывает из-за привычки предельно сосредоточиваться на деле). Зная за собой такую черту, он готов исправляться и извиняться, если ранил кого-то своей невнимательностью.

Если же он точно знает, что кому-то плохо, то не жалеет ни времени, ни сил, ни денег, чтобы помочь.

Сам по себе (как человек)... У него редкий по глубине и систематичности ум. Один из любимых его авторов, Г. Саймон, говорил о принципиальной человеческой неспособности воспринимать ситуацию «в ее тотальной целостности». Так вот, у Щербины эта неспособность сведена к минимуму.

Вячеслав Вячеславович сомневается в истинности утверждения, что талантливый человек талантлив во всем. Но сам Щербина талантлив многосторонне (хотя всегда искренне говорит, например, о своей неспособности к языкам). Многие его знакомые знают о нем как о неординарном художнике — редком графике и колористе. Рисует он почти постоянно и везде — на совещаниях, семинарах, дома, на отдыхе.

При этом он умеет ценить чужой талант и совершенно не завистлив к другим.

В.В. Щербина широко и разносторонне образован: знает литературу, много и часто цитирует; хорошо разбирается в живописи, графике... При этом известен как один из лучших специалистов по теории и социологии организаций. Многим он известен по прикладной сфере как автор нескольких методик в области управления человеческими ресурсами, создатель и руководитель социологической службы в крупной московской организации в 80-е годы прошлого века.

Умный, талантливый, принципиальный, ответственный, верный, благодарный, жесткий, вспыльчивый, немного эгоцентричный, сомневающийся, сочувствующий — это все о нем. Одним словом, очень ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК (как он сам иногда любит о себе говорить).

Его ученица — Е.П. Попова

СПАСИБО, ВЯЧЕСЛАВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ!

Вячеслав Вячеславович Щербина обладает уникальным даром рассказчика, в совершенстве владеющего богатым арсеналом средств образного оформления сложного теоретического материала в яркую и живую ткань современного русского языка. Его лекции сразу обращают на себя внимание широким набором метафор, фразеологических оборотов, эмоциональной насыщенностью, что позволяет ему быстро, практически моментально, выстраивать со слушателями «мост с двусторонним движением», налаживая продуктивный, хотя и весьма своеобразный диалог: голос лектора, с одной стороны, глаза и... (не побоимся высокопарности) сердца слушателей — с другой.

Часто приходилось наблюдать, как студенты, в том числе убеленные сединами мужи, получающие второе или третье высшее образование, «отходили» после полуторачасовой лекции Вячеслава Вячеславовича: около четверти часа люди молча что-то «перекуривали», словно в их сознании выросло или перевернулось нечто принципиально важное, как будто приходили в себя после тяжелой работы; кто-то сосредоточенно перелистывал многостраничный конспект, делая пометки, а после подходил к лектору — нет, не переспрашивать и требовать разъяснений, но просто — сказать «Спасибо!». Нередко случалось слышать вопросы студентов с других факультетов: «А когда еще можно будет послушать Щербину?» — они, оказывается, тоже умудрялись «просочиться» на некоторые его лекции и знали: каждая лекция — это самостоятельное законченное произведение, логично и последовательно раскрывающее объемный научный сюжет и одновременно закрывающее целый учебный блок. Особенно ценной представляется его способность иллюстрировать абстрактно-теоретические положения яркими и как бы осязаемыми примерами из реальной исследовательской или производственной практики.

Вячеслав Вячеславович Щербина — лектор универсальный, но не в смысле «все равно, о чем говорить»: область его научных и профессиональных интересов четко очерчена; он может работать с любой аудиторией, быть ей интересным и при этом обеспечивать высокий теоретический уровень диалога со слушателями. Можно сказать, что он особенным образом сочетает в себе демократизм педагога-гуманиста и интеллектуальный аристократизм крупного ученого.

От всех студентов и преподавателей Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, а также от себя лично хочу сказать: «Спасибо, Вячеслав Вячеславович, за то, что Вы у нас есть!»

Н.А. Степанов

Степанов Николай Александрович — кандидат философских наук, доцент, декан факультета социологии, экономики и управления Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (Рязань).